

СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ

ПРЕДЧУВСТВИЯ И РЕАЛИИ ВОЙНЫ:
МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ В СССР ДО И ПОСЛЕ 22 ИЮНЯ 1941 г. *

СЕНЯВСКАЯ Е.С.

WAR PREMONITIONS AND REALITIES:
USSR COLLECTIVE CONSCIOUSNESS
BEFORE AND AFTER 22 JUNE, 1941

SENYAVSKAYA E.S.

Статья посвящена формированию образа будущей войны в массовом сознании советского общества в предвоенные годы, особенностям восприятия начала войны с Германией 22 июня 1941 г. в приграничных и тыловых районах СССР.

The article concerns future war image formation in Soviet society collective consciousness in pre-war period, perception of war outbreak on 22 June, 1941 in USSR border and rear areas, considers reason for government ideological guidelines change and their impact on propaganda mechanisms, public opinion dynamics at the front and in the rear in the first months of Great Patriotic War.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, 1941 год, массовое сознание, пропаганда, психология и идеология войны, подготовка к войне.

Keywords: Great Patriotic War, 1941, collective consciousness, propaganda, war psychology and ideology, preparations for war.

УДК 94

Массовое сознание – явление чрезвычайно сложное и противоречивое, в нем переплетаются элементы социальной психологии, нравственные и мировоззренческие установки. При этом оно представляет собой синтез явлений, уходящих корнями в национальные традиции, в обыденную жизнь людей, с идеологическими установками, целенаправленно формируемыми структурами власти.

Войны, являясь экстремальным, конфликтным состоянием страны в ее взаимоотношении с внешним миром, занимают в массовом сознании народов особое место. Крупномасштабная война всегда является напряжением всех сил общества, испытанием, чреватым большими людскими и материальными потерями. Особенно это характерно для войн с равным или тем более превосходящим по силам противником, что вносит дополнительный фактор психологического напряжения – непредсказуемость – в развитие событий, возможность поражения.

В российском и собственно русском национальном сознании отношение к войне как явлению во многом перешло на уровень психологических архетипов. С одной стороны, оно было травмировано многочисленными войнами, в том числе и неудачными, в которых Россия понесла колоссальные жертвы. К концу 1930-х гг. в исторической памяти народа (в первую очередь, еще живущих поколений) были остры

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 11-01-00363а.

воспоминания о драматизме кровавых войн начала XX века – Русско-японской, Первой мировой, Гражданской. С другой стороны, русское национальное сознание выработало мобилизационные механизмы, активизировавшиеся в периоды тяжелых испытаний для страны, в ситуациях смертельной опасности, особенно в условиях иноземных нашествий.

Вместе с тем именно XX век породил возможности и одновременно инструменты эффективного воздействия на массовое сознание, вплоть до манипуляции им, что проявилось во многих странах и в широких социальных и революционных движениях, и в становлении диктаторских и «тоталитарных» режимов, опиравшихся на массовые партии и различные идеологии. Это явление нашло отражение и в подготовке Второй мировой войны, включая милитаризацию сознания народов средствами пропаганды и широкой индоктринацией населения ряда стран.

Особое значение идеологическая составляющая в формировании массового сознания приобрела в условиях сталинского режима, по революционной инерции сохранявшего доминанту классового подхода, в том числе и накануне Великой Отечественной войны. В значительной мере это относится к сознанию советских людей и в период самой войны, когда, тем не менее, произошло существенное смещение идеологических акцентов.

Следует также отметить специфику механизма восприятия значимых общественных явлений, в том числе войн, в массовом сознании. В нем присутствуют как интеллектуальные, так и эмоциональные компоненты, с явным преобладанием последних. Даже профессионалы (политики и военные), «по долгу службы» обязанные рационально и адекватно оценивать будущую войну, как правило, ошибаются в своих прогнозах, экстраполируя опыт прошлых войн на еще не состоявшиеся, несмотря на принципиальные изменения множества условий. Есть и еще одна особенность человеческой психологии, подводящая «прогнозистов», – избыточность оптимизма, вера в то, что будущая война будет благоприятной именно для своей страны. Этот оптимизм транслируется политическим и военным руководством в общество, стимулируя милитаризацию сознания. Последнее явление имеет двойственные последствия: с одной стороны, без веры в успех победа невозможна; с

другой, – излишняя самоуверенность может обернуться беспечностью и неподготовленностью к войне. Реальный ход событий корректирует массовое сознание, делая восприятие войны более рациональным, конкретным и адекватным.

В этом общем контексте следует рассматривать и отражение войны в массовом сознании в СССР накануне и сразу после ее начала. На восприятие будущей войны, на ожидание ее, на отношение к ней, безусловно, влиял комплекс факторов: и «архитипические» механизмы массовой психологии россиян, воспринимающей войну как «бедствие народное», но мобилизующей все свои силы в условиях национальной угрозы; и очень сложное и противоречивое по своим последствиям влияние идеологических механизмов, пропагандистской машины, с одной стороны, готовящей страну к будущей войне, а с другой, – дезориентировавшей население относительно сроков ее начала, характера, масштабов и тяжести и даже относительно конкретного противника, с которым придется вступить в смертельную схватку и вести многолетнюю борьбу на выживание.

* * *

В воздухе пахло грозой. Это чувствовали все: и народ, и власть. На границах было беспокойно. Хасан, Халхин-Гол, начало Второй мировой войны и связанное с ней присоединение к СССР западных областей Украины и Белоруссии, затем Бессарабии и прибалтийских государств, Зимняя война с Финляндией – все эти события 1938–1940 гг. были лишь прелюдией к «большой войне», близкой и неизбежной, у порога которой стоял Советский Союз.

Страна готовилась к войне, в том числе и психологически. Советской пропагандой уже многие годы осуществлялась милитаризация массового сознания, формировалась установка на готовность к будущей войне как неизбежной в условиях «враждебного капиталистического окружения». Однако характер этой «большой» войны представлялся в конце 1930-х гг. совершенно неадекватно.

Так, советская стратегическая доктрина исходила из односторонней, поверхностной формулы: «Если враг навяжет нам войну, Рабоче-крестьянская Красная Армия будет самой нападающей из всех когда-либо нападающих армий. Войну мы будем вести наступательно, перенеся ее на территорию противника. Боевые действия Красной Армии будут вестись на уничто-

жение, с целью полного разгрома противника и достижения решительной победы малой кровью» [1]. Такая доктрина фактически исключала саму возможность масштабного и длительного вторжения вражеских войск на советскую территорию, предусматривая в случае агрессии мгновенный и массированный ответный удар. Отсюда и оборонительные мероприятия в приграничных районах проводились недостаточно энергично, особенно в глубине от границы.

Исходя из этой доктрины («малой кровью», «на чужой территории»), действовала и вся пропагандистская система страны.

Весьма значительным пропагандистским воздействием на сознание людей, особенно молодежи, обладало искусство того времени. Бравурные песни и бодрые киноленты о непобедимости Красной Армии притупляли готовность к длительной и тяжелой борьбе, вызывали самоуспокоенность и восприятие возможной войны как парадного шествия. Конечно, неудачи в советско-финляндской войне несколько поколебали этот радужный образ, однако и она в конце концов закончилась результатом, которого добивался СССР. Весьма сильным фактором, работавшим на этот оптимистичный стереотип, было продвижение советских границ на запад – по всей линии от Балтийского до Черного морей (присоединение прибалтийских республик, западных Украины и Белоруссии, Бессарабии и Северной Буковины).

Прозрение наступило потом. Об этом, оглядываясь назад из июля 1942 г., написал в своем фронтовом дневнике М.Т. Белявский: «Вот посмотрел сейчас фильм «Моряки», и еще больше окрепло убеждение в том, что наше кино с его «Моряками», «Истребителями», «Четвертым перископом», «Если завтра война», фильмами о маневрах и литература с романами «На Востоке» и «Первым ударом» ... во многом виноваты перед страной, так как вместо мобилизации демобилизовывали своим «шапкозакидательством»... Большой долг и большая ошибка» [2].

Другой ошибкой была дезориентация относительно будущего конкретного врага. В значительной степени это объясняется «большой игрой», которую вели лидеры всех крупных держав, включая «западные демократии», накануне Второй мировой войны. Дипломатическое сближение СССР с Германией, направленное в первую оче-

редь на то, чтобы оттянуть начало войны на как можно более длительный срок, неизбежно влияло на публичную политику и пропаганду, в том числе и внутри страны. Если до середины 1939 г. средства пропаганды, несмотря на все недостатки, вели последовательную воспитательную работу в духе ненависти к фашизму и его идеологии, то уже в конце сентября ситуация резко изменилась. После заключения 23 августа 1939 г. Пакта о ненападении и 28 сентября Договора о дружбе и границе с Германией последовал отказ от публичной антифашистской пропаганды в средствах массовой информации, а произведения искусства, в которых имелись антифашистские мотивы, были «отсеяны», и исполнять их более не разрешалось [3]. Такой внезапный поворот в политике руководства страны оказывал дезориентирующее воздействие на сознание советских людей, хотя и не ослабил полностью антифашистских чувств, воспитанных в предшествующие годы.

«Уже с зимы 40-го года пошли разговоры, что Гитлер на нас непременно нападет, – вспоминал москвич Ю. Лабас. – Но в «Окнах ТАСС» – плакаты с совсем иным противником. На одном из них изображен воздушный бой: наши самолетчики красные, а вражеские – из них половина уже сбита и горит – черные, с белыми кругами на крыльях (белый круг – английский опознавательный знак)» [4]. Между тем в июне 1940 г. генеральный штаб немецких сухопутных войск приступил к непосредственной подготовке вооруженных сил и театра военных действий для нападения на СССР. Началась скрытая переброска войск с запада на восток [5].

14 июня 1941 г. в газетах «Правда» и «Известия» было опубликовано сообщение ТАСС с опровержением «слухов» о близости войны между СССР и Германией. «По данным СССР, – говорилось в сообщении, – Германия так же неуклонно соблюдает условия советско-германского пакта о ненападении, как и Советский Союз, ввиду чего, по мнению советских кругов, слухи о намерении Германии порвать пакт и предпринять нападение на СССР лишены всякой почвы...» [6]. Это заявление, которое впоследствии объяснялось как обычный «дипломатический зондаж», волей-неволей ввело в заблуждение, дезинформировало и успокоило миллионы советских людей, привыкших верить тому, что «пишут в газетах». Вместе с тем мно-

гих, и особенно в армии, на западной границе, это заявление только насторожило. «14 июня было опубликовано сообщение ТАСС, где опровергалось, что немцы собираются на нас напасть, – вспоминал участник войны, служивший летом 1941 г. на Западной Украине, В.А. Виноградов. – Но мы восприняли это опровержение как подтверждение того, что война приближается и буквально осталось несколько дней...» [7].

Несмотря на успокаивающие заявления высших официальных инстанций, атмосфера последних мирных дней была буквально пронизана предчувствием войны, которое у всех проявлялось по-разному. Разговоры о близости войны шли в самых разных социальных кругах уже за несколько месяцев до нее. Это было связано и с реалиями военных действий в Европе, с пониманием многими агрессивной сущности германского фашизма, всей напряженной международной обстановкой, а также обрывками сведений из высших эшелонов власти, просачивавшихся в форме слухов в народ. «У нас в ИФЛИ на философском факультете работал Георгий Федорович Александров – будущий академик философии, – вспоминал участник войны Ю.П. Шарапов. – И где-то в середине мая он откровенно рассказывал нам, естественно, неофициально о выступлении Сталина 5 мая 1941 г. перед выпускниками военных академий, на котором Сталин прямо сказал, обращаясь к залу, что вот вам, выпускникам академий Вооруженных Сил СССР, предстоит сломать гитлеровскую военную машину... Выступление Сталина было довольно большим, до часа. В печати была только строчка – и все... Мы и так понимали, что война на носу, а из этого сделали вывод, что она начнется совсем скоро, как говорится, вот-вот... Поэтому, когда 22 июня в воскресенье выступил Молотов и объявил о войне, неожиданным в полном смысле слова это не было» [8].

Но, пожалуй, самым необычным, пророческим образом «предчувствие войны» воплотилось в дневниках московского школьника Левы Федотова. 5 июня 1941 г. он записал: «Хотя сейчас Германия находится с нами в дружественных отношениях, но я твердо убежден (и это известно также всем), что это только видимость. Я думаю, что этим самым она думает усыпить нашу бдительность, чтобы в подходящий момент всадить нам отравленный

нож в спину... Рассуждая о том, что, расстав свои войска вблизи нашей границы, Германия не станет долго ждать, я приобрел уверенность в том, что лето этого года будет у нас в стране беспокойным... Ясно, что к лету концентрация войск окончится и, явно боясь выступить против нас зимой, во избежание встречи с русскими морозами, фашисты попытаются втянуть нас в войну летом... Я думаю, что война начнется или во второй половине этого месяца (т.е. июня), или в начале июля, но не позже, ибо ясно, что германцы будут стремиться окончить войну до морозов» [9]. За 17 дней до начала войны мальчик из «дома на набережной» предсказал ее неизбежность, определил сроки вторжения, ход и характер боевых действий на разных ее этапах. Он предвидел поражение немцев и нашу победу, и цену этой победы, оказавшись во многом мудрее и дальновиднее тех, кто стоял у руководства страной.

Особенно напряженной была атмосфера в армейских частях, дислоцировавшихся в западных приграничных областях. Близость войны здесь буквально ощущалась: из многочисленных разнородных фактов складывалась картина, оставлявшая мало сомнений в скором начале боевых действий. «Война застала меня в Ровно, – вспоминал В.А. Виноградов. – Она не была неожиданной ни для меня, ни для всех расположенных там подразделений. Примерно дней за десять до начала войны во всех полках нашей дивизии по утрам начались тревоги. В пять–шесть часов утра мы выезжали, делали бросок на машинах, затем возвращались обратно в казармы, завтракали и приступали к обычным полевым занятиям военной подготовки. Некоторые части 5-й армии были расположены около самой границы. Оттуда поступали сведения о ситуации на другом берегу реки Западный Буг. Это было в районе Владимир-Волынского. Поступали тревожные сведения, что на другом берегу ведутся приготовления, сосредотачиваются войска, все время наблюдаются передвижения, видны оптические приборы, с помощью которых следят за нашей территорией. Было нарушение границы немецкими самолетами. Все это создавало обстановку напряжения. Ночью через Ровно проходили воинские части, летели самолеты в сторону границы... Все это, естественно, подсказывало, что ситуация сложная, что могут быть в самое ближайшее

время начаты военные действия... За три дня до 22 июня пришел приказ осуществить в казармах затемнение и спать только в обмундировании. Разрешалось снимать сапоги и ремень. Командный состав был переведен на казарменное положение. Вечером 21 июня командир полка созвал всех командиров и политработников и еще раз подчеркнул, чтобы никто не отлучался из части, потому что с границы самые тревожные сообщения, и все может случиться» [10].

* * *

И вот война началась. «В воскресенье, 22 июня 1941 г., фашистская Германия и ее союзники обрушили на нашу страну удар невиданной мощи: 190 дивизий, более 4 тыс. танков, 47 тыс. орудий и минометов, около 4,5 тыс. самолетов, до 200 кораблей (в первом эшелоне действовали 153 дивизии противника). На решающих направлениях своего наступления агрессор имел значительное превосходство в силах» [11]. Началась Великая Отечественная война против немецко-фашистских захватчиков, которая длилась 1418 дней и ночей и стоила советскому народу свыше 26 млн человеческих жизней.

22 июня 1941 г. вошло в память наших соотечественников как день всенародного горя, обрушившегося на страну, искалечившего миллионы людских судеб. Кровавой разделительной чертой он зафиксировал «раскол времени» всей жизни страны и населявших ее людей на «до» и «после»: до войны и после ее начала...

Константин Симонов писал:

Тот самый длинный день в году

С его безоблачной погодой

Нам выдал общую беду

На всех, на все четыре года.

Она такой вдавила след

И столько наземь положила,

Что двадцать лет и тридцать лет

Живым не верится, что живы... [12].

Этот день стал началом иного отсчета времени. Ломался не только привычный уклад жизни – мысли и чувства становились другими, и то, что еще вчера казалось важным, отступало перед лицом общего горя, которое сплотило весь народ. 17-летняя школьница из г. Кашина Калининской области Ина Константинова 22 июня 1941 г. записала в своем дневнике: «Еще вчера все было так спокойно, так тихо, а сегодня... Боже мой! В 12 часов слушала радио. Германия бомбит нашу страну! Налеты совершены уже на Киев, Жи-

томир и другие города Украины. Страна в опасности. Сердце готово было выпрыгнуть от волнения. Страна мобилизует силы. Неужели я-то останусь спокойно на своем месте? Нет! Нужно быть полезной Родине. Помогать ей в трудный момент всем, чем можем. Победа должна быть нашей!» [13].

И все же тогда мало кто понимал, насколько долгой и кровопролитной окажется начавшаяся война. Высшее руководство было гораздо больше, чем рядовые граждане, осведомлено о реальном положении дел. Однако и оно не представляло себе в полной мере всей тяжести и перспектив разворачивавшихся событий. Вместе с тем власть, прежде всего в лице самого Сталина, быстро осознала всю значимость и опасность начавшейся схватки с фашистской Германией. Стратегический просчет, допущенный в определении времени и условий начала войны, сделал эту схватку еще более драматичной. В такой войне и государство, и народ могли выжить и победить лишь при предельной мобилизации и напряжении всех сил. Поэтому с самого начала власть обратилась к гражданам своей страны, откровенно заявив о всей сложности ситуации. Уже в первом обращении Советского Правительства к народу, сделанном 22 июня 1941 г. заместителем Председателя Совета Народных Комиссаров СССР и Наркомом Иностраных Дел В.М. Молотовым, была проведена параллель между начавшейся войной и событиями 1812 года, объявлены цели войны – «за родину, за честь, за свободу», прозвучали ключевые лозунги: «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами», – а сама война была провозглашена Отечественной [14]. «Правительство Советского Союза выражает твердую уверенность в том, – говорилось в обращении, – что все население нашей страны, все рабочие, крестьяне и интеллигенция, мужчины и женщины отнесутся с должным сознанием к своим обязанностям, к своему труду. Весь наш народ теперь должен быть сплочен и един, как никогда. Каждый из нас должен требовать от себя и от других дисциплины, организованности, самоотверженности, достойной настоящего советского патриота, чтобы обеспечить победу над врагом...» [15].

Затем, 3 июля, на 12-й день войны, выступил по радио И.В. Сталин. И сам этот факт, и неожиданно теплое обращение – «Братья и сестры!.. Друзья мои!» – свиде-

тельствовало о явном потрясении, которое испытал глава государства от «внезапно» начавшейся войны. Современники вспоминают и сильный акцент, и другие признаки волнения советского вождя, однако самым важным в его выступлении было признание того, что это не обычная, «рядовая», война, но речь идет о жизни и смерти страны и населяющих ее народов. Именно в нем война впервые была названа Отечественной, все-народной, то есть был подчеркнут особый, патриотический характер войны, что оказалось созвучным мыслям и чувствам миллионов советских людей. «Войну с фашистской Германией нельзя считать войной обычной, – говорилось в нем. – Она является не только войной между армиями. Она является вместе с тем великой войной всего советского народа против немецко-фашистских войск. Целью этой всенародной Отечественной войны против фашистских угнетателей является не только ликвидация опасности, нависшей над нашей страной, но и помощь всем народам Европы, стонущим под игом германского фашизма...» [16]. В выступлении прозвучал также призыв к армии, флоту и всем гражданам Советского Союза «немедленно перестроить всю нашу работу на военный лад, все подчинить интересам фронта и задачам организации разгрома врага», «отстаивать каждую пядь советской земли, драться до последней капли крови за наши города и села, проявлять смелость, инициативу и сметку, свойственные нашему народу...» [17].

Массовые митинги и собрания прошли на предприятиях и в учреждениях страны. Люди обещали направить все свои силы на помощь фронту и скорейший разгром врага. «Пусть знают фашистские разбойники, что советский народ как один встанет на защиту своей любимой Родины!» [18], – говорили на митинге рабочие московского завода «Серп и Молот». А работницы завода им. Владимира Ильича обратились с письмом-призывом ко всем женщинам-москвичкам: «Пусть наши воины спокойно идут на фронт. В тылу их заменит армия женщин и девушек, которые возьмут в руки инструмент, сядут за руль автомобиля, трактора, встанут за станок... Мы уверены, что все девушки и женщины Красной Столицы немедленно возьмутся за овладение мужскими профессиями и помогут обеспечить нашей армии крепкий тыл, работающий самоотверженно, как того требует война» [19].

Длинные очереди выстроились у военкоматов. На сборные пункты устремились все: молодые и пожилые, призывники и добровольцы. Заявления граждан об отправке их добровольцами на фронт поступали нескончаемым потоком. «Я никогда не служил в армии, но в ответ на наглое нападение фашистских полчищ прошу записать меня добровольцем в ряды Московского военного формирования» [20], – писал в заявлении профессор Института мировой литературы им. А.М. Горького Дмитрий Благой. К исходу второй недели войны только от желающих вступить в народное ополчение было подано 168470 заявлений [21].

Тем не менее в самые первые дни войны реакция населения на агрессию Германии в целом соответствовала тем пропагандистским штампам, которые были выработаны в предвоенный период, и противоречила драматизму ситуации. Весьма распространены, особенно в тылу, были шапкозакидательские настроения. Руководителей противника многие советские граждане сочли за безумцев: «На кого полезли, совсем, что ли, с ума сошли?! Конечно, немецкие рабочие нас поддержат, да и другие народы поднимутся. Иначе быть не может!» Не было недостатка в радужных прогнозах. «Я так думаю, – говорил один из рабочих металлического завода в Ленинграде, – что сейчас наши им так всыпят, что через неделю все будет кончено...» «Ну, за неделю, пожалуй, не кончишь, – отвечал другой, – надо до Берлина дойти... Недели три-четыре понадобится» [22].

Естественно, настроения легкой победы над врагом имели место не среди тех, кто уже вступил в неравную схватку, но там, где еще не успели столкнуться с реальной силой агрессора. «В тот день [22 июня – Е.С.] многим казалось, что начавшаяся война будет стремительной, победоносной. Такой, какой она изображалась в популярных в те годы кинофильмах «Город под ударом», «Эскадрилья номер пять», в романе Павленко «На Востоке», в песнях, которые ... пели чуть не каждый день, – вспоминает бывший офицер-артиллерист А. Дмитриев. – Никто ... и представить себе не мог, какой долгой, жестокой, опустошительной, испепеляющей будет эта война, какого огромного напряжения она потребует, каких колоссальных жертв» [23].

Отрезвление произошло очень быстро. Сведения, поступающие с фронтов, свидетельствовали о страшной опасности, нависшей не только над советским государством, но и над всем народом. Враг оказался не только коварен, но и очень силен и беспощаден. Так что всем стало ясно, что предстоит схватка не на жизнь, а на смерть, которая коснется каждой семьи и каждого гражданина. И здесь вступили в действие глубинные психологические механизмы, которые не раз в российской истории спасали страну, находившуюся на краю пропасти. Произошел подъем всех моральных сил народа, оказались задействованы его вековые традиции, готовность к самоотверженности, самоотречению и самопожертвованию во имя спасения своей страны.

Постепенно, хотя и не сразу, менялась как внутренняя пропаганда, так и внешняя (на войска противника), сохранявшая значительную инерцию. Вот что говорил об этом в 1943 г., уже находясь в советском плену, немецкий фельдмаршал Ф. Паулюс: «Ваша пропаганда в первые месяцы войны обращалась в своих листовках к немецким рабочим и крестьянам, одетым в солдатские шинели, призывала их складывать оружие и перебежать в Красную Армию. Я читал ваши листовки. Многие ли перешли к вам? Лишь кучка дезертиров. Предатели бывают в каждой армии, в том числе и в вашей. Это ни о чем не говорит и ничего не доказывает. И если хотите знать, кто сильнее всего поддерживает Гитлера, так это именно наши рабочие и крестьяне. Это они привели его к власти и провозгласили вождем нации. Это при нем люди из окраинных переулков, парвеню, стали новыми господами. Видно, в вашей теории о классовой борьбе не всегда сходятся концы с концами» [24].

Действительно, советский солдат был воспитан в классовой пролетарской идеологии и через эту призму пытался воспринимать врага, вычленив рабочего и крестьянина из общей массы захватчиков, отделяя их от «господ-эксплуататоров». Но уже в первые дни войны рассеялись иллюзии, наивные надежды на сознательность «братьев по классу», воспитанные в довоенное время и быстро вытравливающиеся беспощадной реальностью. Вот что записал в своем фронтовом дневнике М.И. Березин: «20 июля 1941 года поджигаем два танка, взяв в плен трех танкистов. Какими же мы были наивными человеко-

любцами, пытаясь при их допросе добиться от них классовой солидарности. Нам казалось, что от наших бесед они прозреют и закричат: «Рот фронт!» Мы хорошо знали произведения из времен Гражданской войны и совершенно не знали современного немца-фашиста. А они, нажравшись нашей каши из наших же котелков, накурившись из наших же добровольно подставленных кисетов, с наглой, ничего не выражающей рожей отрыгивают нам в лицо: «Хайль Гитлер!» Кого мы хотели убедить в классовой солидарности? Этим громил, поджигающих хаты, насильников и садистов, с губной гармошкой во рту убивающих женщин и детей? Мы стали понимать и с каждым днем боев все больше убеждаться, что только тогда фашист становится сознательным, когда его бьешь» [25].

Классово-идеологические иллюзии рассеивались с каждым шагом врага в глубь советской территории. Потери советских войск были огромны. Уже в первый месяц войны безвозвратные потери составили 1 млн человек, из них 700 тыс. пленными. Территория СССР, занятая вермахтом, превысила 1,5 млн кв. км – в три раза больше территории Франции [26]. Война приобретала характер смертельной схватки за выживание, причем не только существовавшей системы и государства, но и населявших огромные пространства СССР народов. Война действительно становилась отечественной и национально-освободительной. И образ врага-фашиста также все сильнее принимал национальную окраску, превращаясь в массовом сознании в образ врага-немца.

К осени 1941 г. единоборство СССР и фашистского рейха достигло критической точки. В конце сентября немецкие войска начали наступление на Московском направлении. В начале октября, окружив наши армии в районе Вязьмы, гитлеровцы прорвались к столице. Началась великая битва под Москвой. За два месяца ожесточенных боев, в ходе которых над городом не раз нависала смертельная угроза (в середине октября немцы находились менее чем в 30 км от столицы), фашистское наступление благодаря мужеству советских войск и ополченских формирований дважды было остановлено.

Классовые лозунги постепенно вытеснялись из пропагандистского лексикона государства, заменяясь патриотическими. Не случайным после тяжелых поражений начала войны было обращение Сталина к

национальным чувствам русского народа, ранее попиравшимся идеологическими догматами: духовные силы были призваны спасти положение там, где оказались недостаточными силы материальные. Так, весьма необычным оказалось соединение в одной речи Верховного Главнокомандующего на параде Красной Армии 7 ноября 1941 г. революционных советских и старых русских традиций: «Война, которую вы ведете, есть война освободительная, война справедливая. Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков – Александра Невского, Димитрия Донского, Кузьмы Минина, Димитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова! Пусть осенит вас победоносное знамя великого Ленина!» [27].

Широко были распространены коллективные заявления работников предприятий и учреждений, студентов вузов и старшеклассников с просьбой отправить их на фронт. Вот что записал 12 октября 1941 г. в своем дневнике московский школьник Петя Сагайдачный, через несколько дней ушедший на фронт добровольцем: «Война стучится в дверь. Немец в 180 км от Москвы. Неудержимой лавиной, не считаясь ни с какими потерями, он продолжает переть вперед... На фронте дело дрянь: морозные ночи и кровопролитные дни, тысячи раненых. И все-таки меня неудержимо тянет туда. Города падают, но я верю в победу и в прекрасное будущее» [28].

О большом размахе патриотического подъема свидетельствует создание в конце июля 1941 г. по инициативе трудящихся Фонда обороны. Закономерным (и традиционным) было создание в самые трудные дни войны народного ополчения. Конечно, можно критически относиться к вопросу об эффективности использования такого рода слабо обученных формирований в современной войне, однако фактом является мощный патриотический подъем, который, несомненно, повлиял на перелом в трагическом для страны ходе событий.

К концу ноября 1941 г. наступательный порыв вражеских войск иссяк: они перешли к обороне. 5–6 декабря 1941 г. войска Красной Армии, измотав силы противника, начали контрнаступление под Москвой, которое переросло в наступление по всему фронту. При этом советские войска уступали немецким по численности в 1,4–1,6 раза [29]. «Более чем миллионная

группировка отборных гитлеровских войск, – вспоминал маршал Г.К. Жуков, – разбилась о железную стойкость, мужество и героизм советских войск, за спиной которых был их народ, столица, Родина» [30].

Пожалуй, не меньшим, чем ее военное значение, было то воздействие на сознание миллионов людей, какое несла в себе победа Красной Армии под Москвой. «Характер почты, которую мы получали тогда с фронта, начал резко меняться, – вспоминал журналист Ю. Жуков, в годы войны начальник отдела фронта газеты "Комсомольская правда". – Борьба со все еще сильным и коварным врагом по-прежнему была неимоверно трудной. Она требовала от каждого бойца невероятного напряжения всех физических и моральных сил. Каждый шаг давался ценой немалых потерь. И все же письма, шедшие с фронта в те дни, были невероятно радостны: наконец-то мы погнали вспять проклятых фашистов! Наконец-то начали освобождать захваченную ими советскую землю!» [31].

Именно в самом начале войны, в наиболее драматический ее момент, обернувшийся психологическим шоком для всей страны, для ее руководства и народа, была найдена и заложена та патриотическая тональность, которая сохранялась на всем протяжении Великой Отечественной. Она стала одним из решающих факторов поддержания морально-психологического состояния в стране, которое в основном оставалось высоким даже при неблагоприятном для СССР разворачивании событий на фронтах. Существенную роль в этом сыграла корректировка официальных идеологических формул, сместивших акценты с идеи классовой борьбы на национально-государственное единство в противостоянии агрессору, – на единство власти, армии и народа.

Интересна оценка радикальной смены идеологических ориентиров, произошедшей в Москве в годы войны, которую дает в своих мемуарах генерал Ш. де Голь: «В эти дни национальной угрозы Сталин, который сам возвел себя в ранг маршала и никогда больше не расставался с военной формой, старался выступить уже не столько как полномочный представитель режима, сколько как вождь извечной Руси» [32].

Существенное изменение официальных идеологических постулатов, заложенное в начале Великой Отечественной войны,

стало одним из важнейших ее итогов, закреплённых и на послевоенный период. «Знаменитый сталинский тост на победном банкете – «За великий русский народ!» – как бы подвел окончательную черту под изменившимся самосознанием власти, сделав патриотизм, наряду с коммунизмом, официально признанной опорой государственной идеологии» [33], – анализируя изменения внутренней политики советского государства в период войны, отмечает митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский Иоанн.

* * *

Историческая ситуация конца 1930-х – начала 1940-х гг., то есть кануна и начала Второй мировой войны, выявила целый комплекс феноменов массового советского сознания. Она показала, что длительная идеологическая подготовка населения к войне оказывает достаточно эффективное и стойкое воздействие, формируя психологическую установку на готовность к отражению внешней агрессии, накладываясь на архетипические механизмы русской национальной психологии, выработанные веками, и прежде всего – способность к быстрой психологической мобилизации в условиях опасности для страны. Эта установка оказалась способной относительно быстро нейтрализовать ряд негативных для мобилизующей функции факторов: неожиданную смену и дезориентирующее влияние ситуационной пропаганды непосредственно в канун войны, когда фашистская Германия официально рассматривалась как союзник, не собиравшийся напасть на СССР; тяжелое кадровое и моральное состояние армии в результате предвоенных репрессий; переоценку собственных сил и возможностей и недооценку потенциального противника, в том числе как следствие пропагандистских воздействий; классовые иллюзии о поддержке СССР пролетариатом Европы, и особенно Германии в случае внешней агрессии, и др.

В отличие от Первой мировой, справедливый, оборонительный характер Великой Отечественной войны был совершенно очевиден. Основная масса населения понимала, за что идет война, и готова была к самопожертвованию, длительным тяготам и лишениям во имя Победы. В обществе существовало гораздо меньше социальных противоречий, и можно говорить в значительной степени о его морально-психологическом единстве относительно

базовых ценностей (национальная независимость, рост экономики и благосостояния, социальная справедливость и др.). Не всеми разделялись партийные установки на социалистическое строительство, но сама социалистическая идея в результате успехов первых пятилеток обрела широкую популярность. Кроме того, характер фашистской агрессии, нацеленной на порабощение и истребление целых народов, не оставлял им выбора и обусловил особую ожесточенность сопротивления, массовую стойкость и героизм.

Несмотря на то, что первый период войны включает в себя огромное количество событий, весьма различных, в том числе и противоположных для судеб страны (была настоящая катастрофа первых месяцев войны с потерей целых армий, огромных густонаселенных территорий; тяжелые оборонительные бои; были и отдельные успехи, в том числе и стратегические – срыв планов блицкрига, первое в ходе войны крупное и успешное контрнаступление Советской Армии под Москвой), весь период от 22 июня 1941 г. вплоть до победы в Сталинградской битве в психологическом плане един. Он характерен тем, что существовала реальная угроза поражения, стоял вопрос о самой жизни и смерти советского государства, причем не только его общественного строя, но и населяющих страну народов. Реальность этой угрозы, несмотря на все разнообразие оттенков ощущений, вызванных различиями, социальными и национальными, культурными и мировоззренческими, несмотря на отдельные, в том числе и очень важные успехи Советской Армии, среди которых особое политическое и социально-психологическое значение имела победа под Москвой, эта реальность осознавалась всеми. И несмотря на то, что в самых тяжелых условиях большинство советских воинов верило в конечную победу, эта угроза накладывала свой отпечаток на весь строй мыслей и чувств советских людей.

«Ярость благородная» – так можно назвать основную психологическую доминанту того периода, очень точно отраженную и выраженную в известной песне. Но эта ярость смешивалась с горечью и болью страшных потерь и поражений, особенно первых месяцев войны. В известной мере эти чувства даже доминировали в первые военные дни. Военная катастрофа начала войны вызвала состояние психологического шока. Не случайно, на-

ряду с проявлениями массового героизма этого периода, ярчайшим примером которого может служить подвиг защитников Брестской крепости, были и многочисленные факты сдачи в плен целых военных подразделений. Именно в этот период сотни тысяч солдат и командиров кадровой армии оказались в плену. Но по мере того, как этот шок, вызванный разительным контрастом между довоенными представлениями о будущей войне и войной реальной, внезапно обрушившейся на советских людей посреди мирной жизни, успокаивающих заявлений средств массовой информации, пропаганды мощи и непобедимости Советской Армии, по мере того, как этот шок проходил и росли горе и боль, а с ними ненависть к врагу и жажда мести, было достигнуто определенное равновесие сознания, произошла его ста-

билизация. Народ мобилизовал свои материальные и духовные силы и остановил напор фашистской военной машины.

Главная цель этого периода войны – «Выстоять!» – была выполнена в значительной мере благодаря морально-психологической стойкости народа. Наступил следующий этап, особенностью которого стал перелом не только в ходе войны, но и в настроении масс. Люди сами рвались в наступление, чувствуя свою невольную вину в том, что допустили врага на родную землю. Изгнание из страны немецко-фашистских войск несло народу и армии своего рода духовное очищение. Но истоки Победы были заложены уже в самом начале войны, когда врагу не удалось сломить моральный дух народа, сумевшего выстоять в тяжелом испытании 1941 года.

Примечания:

1. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945. В 6 т. Т. 1. М., 1960. С. 441.
2. Музей Боевой Славы Исторического факультета МГУ. Личный фонд М.Т. Белявского.
3. ЦГАЛИ. Ф. 362. Оп. 3. Ч. 708. Кл. 122, 138.
4. Лабас Ю. Черный снег на Кузнецком // Родина. 1991. № 6–7. С. 36.
5. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945. В 6 т. Т. 1. М., 1960. С. 378.
6. История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. IX. М., 1971. С. 515.
7. Из интервью с академиком В.А. Виноградовым от 26.03.2001 г. // Личный архив автора.
8. Из интервью с Ю.П. Шараповым от 17.05.1995 г. // Личный архив автора.
9. Росциус Ю. Дневник пророка. М., Знание. Серия “Знак вопроса”. 1990. № 4. С. 6–7. Лева Федотов погиб на фронте 25 июня 1943 г.
10. Из интервью с В.А. Виноградовым от 26.03.2001 г. // Личный архив автора.
11. Кульков Е., Мягков М., Ржешевский О. Война 1941–1945 . Факты и документы. М., 2001. С. 50-51.
12. Симонов К. Из трех тетрадей. Стихи, поэмы. Изд. 2-е, доп. М., 1990. С. 287.
13. ...Сражалась за Родину. Письма и документы героинь Великой Отечественной войны. М., 1964. С. 5–12; Девушка из Кашина. Дневник и письма И. Константиновой. Воспоминания и очерки о ней, М., 1974. См. также: http://www.a-z.ru/women_cd3/20/1/i81_108.htm. Ина Константинова ушла в партизаны и погибла в марте 1944 г. во время рейда по тылам противника.
14. Правда. 1941. 23 июня.
15. Цит. по: Музы вели в бой. Деятели литературы и искусства в годы Великой Отечественной войны. М., 1985. С. 11.
16. Сталин И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1952. С. 15.
17. Там же.
18. Правда. 1941. 23 июня.
19. Московский комсомолец. 1941. 24 июня.
20. История Москвы. Краткий очерк. М., 1978. С. 353.
21. Там же.
22. Цит. по: История Отечества: Люди, идеи, решения. Очерк истории Советского государства. М., 1991. С. 258.
23. Кассис В., Комаров В., Чичков В. Покой нам и не снился. М., 1982. С. 25–26.
24. Бланк А., Хавкин Б. Вторая жизнь фельдмаршала Паулюса. М., 1990. С. 173.
25. Овчинникова Л. Пишу перед боем // Комсомольская правда. 1989. 9 мая.

26. Кульков Е., Мягков М., Ржешевский О. Указ. соч. С. 55–56.
27. Сталин И.В. Указ. соч. С. 40.
28. Дневник Пети Сагайдачного, ученика московской школы N 211. М., 1963. С. 247–248. П. Сагайдачный ушел добровольцем на фронт в октябре 1941 г. и погиб в апреле 1942 г. на Калининском фронте.
29. Великая Отечественная война. Вопросы и ответы. М., 1984. С. 123.
30. Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1969. С. 361.
31. Жуков Ю. Солдатские думы. О чем рассказывали письма с фронтов Великой Отечественной войны. М., 1987. С. 111.
32. Полководцы. Сборник. М., 1995. С. 62.
33. Там же. С. 81.

Сведения об авторе:

Сенявская Елена Спартаковна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, действительный член Академии военных наук (г. Москва).

E-mail: senyavsky@mtu-net.ru

